

Александр ГЕЛЬМАН
СКАМЕЙКА

Действующие лица:

Он.

Она.

Блондинка.

Дама в очках.

Девушка.

Деление на акты — по усмотрению постановщика

В городском парке играла музыка, крутились карусели, торговали киоски, трещали стрелковые тиры, взлетали мячи. Народ гулял.

*«А еще довольно светло, правда?» — сказала **одна женщина**, обращаясь к **подруге**. В это самое время **другая женщина** сказала, обращаясь к **мужу**: «Смотри, уже довольно темно!» И обе были одинаково правы. Потому что на земле был тот таинственно чарующий час летнего вечера, когда, как сказал поэт, «день угасал, ночь нарождалась». Именно в этот час на одной из менее людных аллей парка появился невысокий, лысый, плотный **мужчина** сорока пяти лет, несколько неопрятно одетый: старые джинсы, мятая вельветовая курточка зеленого цвета, рубашка без галстука. Он явно под градусом, возбужден, его грустные глаза кажутся сейчас задорными и нахальными. Шагая по самой середине аллеи, он все время поглядывает то направо, то налево — взор его в основном привлекают **молодые женщины и девушки**, расположившиеся на скамейках.*

Он (сворачивает к одной из скамеек, на которой сидит блондинка средних лет с высокой прической. Старательно деловито). Вы не в курсе, случайно, — этой ночью дождь намечается или не намечается?

Блондинка. Что, что?

Он (качнувшись). Я спрашиваю — дождь намечается или не намечается?

Блондинка. Сейчас муж подойдет — будет вам град, а не дождь!

Он. Спасибо. Вы очень толково ответили... (Кланяется, следует дальше. Снова сворачивает.) Девушка, вы не будете против, если я возле вас приземлюсь?

Девушка (поморщившись). Буду против! Я не переношу запаха спиртного, а от вас несет!..

Он. Извините... (Следует дальше. Снова сворачивает, подсаживается. Обращается к даме в очках.) Что нынче пишут в газетах? Война скоро будет?

Дама в очках. Пожалуйста, можете прочитать. (Протягивает ему газету, поднимается, уходит.)

Он тоже приподнимается, чтобы идти, но в последний момент, махнув рукой, опускается обратно. Разворачивает газету, лениво водит по ней глазами, начинает читать. Однако углубиться в чтение не удается — внезапно за его спиной раздается какое-то странное, неумелое посвистывание.

*Он оборачивается, поднимается — за скамьей, загадочно улыбаясь, стоит **молодая женщина** в цветастом платье, с сумочкой через плечо, у нее длинное худое лицо, длинная худая шея, простые волосы до плеч, фигура плоская, нескладная. Ей 35–37 лет.*

Она (нежно растягивая слова). Добрый вечер, дорогой!

Он (несколько смущенный ее фамильярностью. С иронией). Добрый вечер, дорогая!

Она. А я к вам — у вас найдется спичечка? (Приподнимает руку с зажатой в пальцах сигаретой.)

Он. Найдется спичечка. (Достает из кармана коробок.) Для такой симпатичной дамы (зажигает) у меня всегда найдется спичечка!

Она. О-ооо! (Прикуривает. Игриво.) Можно? (Кивает на скамейку.)

Он. Что значит — можно? Лично я просто не представляю себе свою дальнейшую жизнь без вас!

Она. Ой, ой!

Он (пока она огибает скамейку, постилает газету). Прошу, дорогая!

Она. Спасибо, дорогой. (Садится.)

Он. С какой стороны вы прикажете мне расположиться? Вот, например, моя бывшая жена, по кличке «холера», всегда требовала, чтоб я сидел справа. А вы как любите?

Она. А мне все равно!

Он. Тогда я сяду слева, чтоб у нас с вами было все наоборот!

Она. Надо же!

Он. Только так! *(Усаживается впритирочку. Шепчет ей на ушко.)* Между прочим, могу сообщить вам по большому секрету, что меня зовут Николай.

Она. Как, как?

Он *(невучим шепотом).* Ни-ко-лай. Ко-ля. А вас?

Она *(громко).* Зачем вам мое имя, если я вся перед вами!

Он *(с вожделением).* У-у-у! Радость моя! *(Заводит руку за ее спину, обнимает.)* Я вижу, вы из тех женщин, которым важна не форма, а суть! Это очень хорошо!

Она. А вы из каких мужчин? *(Пытается отбросить его руку.)*

Он. Я мужчина свободный! *(Обхватывает ее второй рукой, теперь она в кольце его рук.)*

Она. Да-а? *(Бьет его локтем в грудь.)*

Он. Да! *(Прижимает ее к себе.)* Я сам себе хозяин!

Она. Сам себе... сколько угодно. Только не надо мной хозяйничать! Уберите руки!

Он *(как бы не понимая).* Извините.

Она *(серьезно, резко).* Я сказала — уберите руки!

Он. А я говорю — извините! *(Прижимает ее к себе всей силой.)* Я здесь в командировке! Приехал на три месяца! Ничего не знаю! Я уже озверел, извините! Мне снятся кошмары! Я могу попасть в сумасшедший дом!..

Она *(бьет его головой).* Отпустите меня! *(Вырывается, отскакивает.)* Какая сволочь!..

Какую-то секунду кажется — она сейчас плюнет ему в лицо и убежит. Ничего подобного. Одернув платье, поправив волосы, она садится обратно на скамейку, только подальше от него. Но вид у нее грозный. Она достает из сумочки новую сигарету, спички, — оказывается, у нее были свои спички, — закуривает. Лукаво поглядывая в ее сторону, он тоже закуривает. Так они сидят некоторое время — курят. Выждав, пока она успокоится, он поднимается, бросает в урну окурки, подходит к ней. Она отворачивается.

Он. Я прошу прощения.

Она курит.

(Присаживается, соблюдая более чем корректную дистанцию.) Я действительно прошу у вас прощения. Кроме шуток.

Она морщится.

Дело в том, что я принял вас за другую.

Она (*оборачивается. Неприязненно*). Что?

Он. Есть такой закон: когда мы видим первый раз человека, мы сразу относим его к какому-то типу. Так вот я ошибся — я отнес вас не к тому типу...

Она отворачивает голову.

Я говорю вам чистую правду — я решил, что вы из тех дамочек, которых надо брать нахрапом. Они обычно брыкаются, визжат, а потом говорят спасибо. Такой тип. Но я ошибся. Что делать?

Она. По-моему, вы ошиблись гораздо раньше... еще когда на свет появились!

Он. Возможно. У меня нет такой привычки — доказывать, что я хороший. Какой получился — такой и есть. Но, между прочим, за свои ошибки в первую очередь расплачиваюсь я сам. Знаете, как я однажды влип в Севастополе? Вы бывали в Севастополе?

Она. Не бывала!

Он. Так вот, в Севастополе, я там тоже был в командировке, на Приморском бульваре сидела женщина. Одна. Я подошел. Сел. Заговорил. Она охотно отвечала. Я тогда к ней поближе (*пододвигается*) — все нормально! Я еще поближе (*еще пододвигается*) — все нормально!.. Да вы не волнуйтесь, я к вам не дотронуся. Просто, когда я рассказываю, я должен показывать, иначе я не могу рассказывать. (*Продолжает.*) Я еще поближе — все нормально! Я завожу руку за талию (*заводит руку за ее спину, но не прикасается*) — все нормально! И вдруг, когда я уже хотел поцеловать ее в ушко... кто-то бьет меня кулаком в челюсть! Один раз! Два раза! Три раза! У меня искры посыпались!.. Это был ее муж. Оказывается, он сидел на соседней лавочке. Они перед этим поссорились, и он отсел. А она — сучка! — чтоб его подразнить, начала со мной любезничать! Представляете? Потом они себе ушли, а я остался с побитой мордой. Она еще оглядывалась и хохотала! Вот как бывает. А почему? Не сориентировался. То же самое — с вами. Если бы я сразу сориентировался, у нас был бы уже полный контакт. А теперь вы смотрите на меня волком. А я уже боюсь задать вам один вопрос, который мне очень хочется задать вам. (*Улыбается.*) Можно задать вопрос?

Она не реагирует.

(*Мягко, сердечно.*) Вы живете одна?

Она вздыхает.

Не одна?... Одна?..

Она. Вдвоем!

Он. Мама?

Она молчит.

Сын?.. Угадал?.. Точно, сын! Знаете, почему я угадал? Потому что вы совершенно не похожи на женщину, которая родила дочку. Вы абсолютно похожи на женщину, которая родила мальчика. *(Пальцем показывает на ее сумочку.)* Фотография есть?

Она возмущенно вздыхает.

Ну, покажите фотографию. Я люблю детей... серьезно. У меня дочь, двадцать лет, месяц назад вышла замуж. Но моя бывшая жена, по кличке «холера», не разрешила приехать на свадьбу. Представляете? Ну, покажите карточку. Ну, пожалуйста.

Она достает из сумки фотокарточку, протягивает. На карточке — она и десятилетний сын.

Ой, какая прелесть! Ой, какая прелесть! Как он похож на вас — ну просто вылитый мамин сын! Как зовут?

Она. Витя!

Он. Прекрасное имя! Витя... Витюнчик... Витюшенька... Витек!.. Он сейчас дома?

Она. Он сейчас в пионерском лагере.

Он. Ой, ты наша умница *(Целует карточку.)*
Какой сознательный парень, какой молодец — дал маме отдохнуть, развеяться. Мы завтра утром поедем с твоей мамочкой в универмаг, купим тебе подарок. У Вити есть велосипед?

Рывком она выдергивает у него карточку, отворачивается.

Я серьезно спрашиваю — у мальчика есть велосипед?

Она. Вы что такой щедрый? *(Прячет карточку в сумку)*

Он. Я не щедрый — я справедливый. Если женщина хорошо ко мне относится, старается сделать для меня приятное — а я, к примеру, имею в месяц 350–400, — почему не помочь? Тем более если я вижу, что ей трудно. А я в данном случае это вижу...

У нее вырывается саркастический смешок.

Ну, зачем же? Я всего лишь мужчина. И, поверьте, не самый плохой на этом свете. А мужчина есть мужчина. У него голова иначе устроена, чем у женщины. Например, в данный момент в моей голове зародилось одно предложение, которое в вашей голове зародиться не могло.

Она прислушивается.

Вам известно о том, что через *(смотрит на часы)* сорок минут закрывается гастроном?

Она *(разочарованно).* А-а-а!..

Он. Напрасно усмехаетесь. Вот некоторые говорят (*передразнивает*) : «Что это такое, какой ужас, не успели познакомиться и уже сошлись, уже в постель!» А почему, спрашивается, люди так спешат? Ну, почему? Поэтому что у нас рано закрываются гастрономы! В шесть работа кончается, а в девять уже гастроном закрыт. Вот и крутись как знаешь!

Она улыбается.

(*Пододвигается к ней вплотную, дружески обнимает.*) Так вот, в связи с вышеизложенным, учитывая образовавшийся цейтнот, я вношу следующее предложение: мы с вами сейчас поднимаемся с этой замечательной скамейки, на которой господь бог организовал нам встречу, покидаем этот роскошный Парк культуры и отдыха имени Цурюпы, направляемся в гастроном за углом — я хоть и иногородний, но обратил внимание, что там есть гастроном, — я в этом гастрономе покупаю все, что ваша душа пожелает... из того, что там будет, затем мы загружаемся с покупками в такси и едем к вам в гости! (*Замирает в ожидании ответа.*)

Она. Надо же!

Он. Толковое предложение?

Она. Еще бы!

Он (*радостно*). Значит, едем?

Она (*мрачняя*). Куда... едем?

Он. Как куда?.. К вам в гости!..

Она. А вы уже были однажды у меня в гостях! Юрочка, который оказался Колечкой.

Он (*вонзает в нее свирепо-испуганный взгляд*). Как вы сказали? (*С нервным смехом.*) Я не понял.

Она (*грубо*). Ты уже был у меня в гостях... я сказала! Что, память отшибло?

Он. Я?.. Я был?..

Она. Ты был, ты... Может, мне голой раздеться, чтобы ты меня узнал?

Он начинает потихонечку от нее отодвигаться.

Не двигаться! Ты никуда отсюда не уйдешь, пока меня не вспомнишь! Он забыл! (*Схватила за лацкан пиджака, трясет его.*) Давай вспоминай! Вспомни-най!..

Он. Так не надо... люди смотрят...

Она. Ничего, пускай смотрят. А ты на меня смотри! Внимательно смотри... не отворачивай глаза! Устал, что ли? Тяжелая работа — вспоминать женщину, которую год назад облапошил? Давай напрягай свои мозгочки!

Он. Вы... Вы...

Она. Ну, ну?

Он. Вы... это... на фарфоровом заводе?

Она *(хватает его за оба лацкана, притягивает к себе).* Я не на фарфоровом заводе! Я на чулочной фабрике! Еще он путать меня будет!.. Глаза выколю! *(Отбрасывает его. Поднимается, берет сумочку.)* Ублюдох... *(Уходит.)*

Он *(вскакивает. Радостно задышавшись).* Вера!.. Вера!..

Она останавливается. Выждав секунду, поворачивается. Смотрит на него с презрением.

(Кроткий, смущенный.) Вера...

Она. Чего лыбишься как майская роза?

Перестает улыбаться. Всем своим видом он просит прощения и пощады.

Ты все вспомнил? Или не все?

Он *(страдальчески и твердо).* Все!

Она. А может, не все?

Он. Все...

Она. А мы сейчас проверим. Где мы с тобой познакомились?

Он. Здесь... в этом парке. Ты сидела вон там *(кивает)*, у фонтана. У тебя было плохое настроение, я тебе настроение поднял...

Она. Потом что было?

Он. Потом... потом мы пошли... нет, мы сначала гуляли долго, потом пошли в кафе, потом пошли в гастроном, потом пошли к тебе.

Она. Дальше?

Он. Пришли к тебе.

Она. Дальше?

Он. Дальше... были у тебя...

Она. Дальше?

Он. Дальше... я это... ну, я уехал...

Она. Как уехал, куда уехал, что говорил, когда уезжал?

Он. Ну... я попросил вызвать такси, ты пошла к соседке, вызвала... я уехал...

Она. Что ты говорил, когда уезжал?

Он. Ну... я пообещал вернуться сразу... сказал, что привезу вещи из общаги, документы... и буду жить у тебя...

Она. Почему ж ты не вернулся?

Он молчит.

Ты уже знал, что не вернешься, когда садился в такси?

Он молчит.

Ты будешь отвечать!

Он. Не буду.

Она. Почему?

Он. Потому что мне нечего ответить.

Она (*взрывается*). Хмырюга парковая! Поганка на двух ногах.

Он (*перебивает. Хмуро*). Оскорблять не надо...

Она. Как только земля таких носит!..

Он. Оскорблять не надо, Вера!.. Люди смотрят!..

Она. Люди?.. А надо мной как вся милиция смеялась? Ночью прибежала, думала — такси разбилось, задавило его! Спрашиваю, а сама фамилии не знаю... Юра, звать, говорю, Юра звать. А он, оказывается, Коля! Ты кто? Ты Юра или ты Коля?

Он (*угрюмо*). Я Алексей...

Она. Кто ты, кто ты?

Он. Алексей.

Она (*передразнивает*). Алексей... Он Алексей! Лешенька-хмырешенька! И куда же вы тогда поспешили, среди ночи, Юра-Коля-Алексей? К другой бабе? Со мной плохо было? Плохо было, да?..

Он. Хорошо...

Она. Тогда в чем дело? Ты же мог утром сбежать?

Он. У меня билет был.

Она. Какой билет?

Он. На самолет. У меня тогда командировка кончилась. Надо было еще собраться.

Она (*долго смотрит на него в упор. С болью*). Какая зверятина, а!..

Он (*набычился. Перебивает*). Не надо оскорблять!

Она. Теперь будешь во всех парках СССР рассказывать новое приключение? Это не то что в Севастополе... по роже двинули. Тут во как —

не узнал бабу, с которой переспал! Смеху будет!.. Ты же не человек, ты зверятина!

Он. Не надо оскорблять, Вера!..

Она *(с нарастающей силой)*. Задушу сейчас... Сейчас задушу! И тебя, и себя! Задушу!

Он *(срывается с места, хватает валяющуюся у дерева кирпичину. Протягивает ей)*. На! Бери, бери! *(Всовывает ей в руки кирпич.)* Доводи до конца, если я зверятина! Если я ублюдок! Освободи землю от такой твари! Лучше убей... но не оскорбляй! Убей! Тресни! *(С маху садится на скамью, наклоняет к ней голову.)* Давай!..

Она *(заносит над его головой кирпич)*. Сейчас как!.. *(Отбрасывает кирпич в сторону.)* Нашелся!..

Он сидит, согнувшись, будто оцепенел. Она свирепо смотрит ему в затылок. Вдруг видит: у него дрогнули плечи — один раз, второй раз. Он плачет.

(Издевательски). Ой господи, ой господи! Хватит клоунничать! Прямо заплакал... зарыдал!.. Ну-ка, ну-ка!.. *(Присаживается рядом, сует руку снизу к его лицу. Смотрит на свои пальцы.)* Неужели слезы? *(Лизнула языком.)* Надо же! Ты что, артист? Можешь плакать по заказу? *(Достает из сумочки платок, кладет ему в руку.)* Вытрись, чучело!

Он отбрасывает ее платок, достает из кармана свой, прикладывает к мокрым, покрасневшимся глазам. Она поднимает с земли свой платочек, прячет. Внезапно покачнувшись, он плюхается головой на ее колени.

Что такое?! Эй! *(Руки отводит назад, смотрит на него сверху, как на уткнувшуюся мордой собачку.)* В чем дело, товарищ?

Он вжимается еще глубже головой в ее живот.

Ну, хватит, хватит! Хватит, говорю! *(Пытается толкнуть с колен его голову.)* Я кому сказала — хватит! Доплачешь на другом подоле. Тоже мне! *(С трудом выбирается из-под него, он цепляется за платье. Она отдирает его руку, встает.)*

Он *(хватается за ее сумочку)*. Вера, не оставляй меня!.. *(Отпускает сумочку, той же рукой хватается за сердце.)* Чч-чччерт! *(Кряхтит, морщится.)*

Она. Ха! Что такое?

Он. Вот тут *(показывает)*... кусок льда... прожигает холодом... прямо насквозь... чч-чччерт! *(Отворачивается от нее, постанывает.)*

Она *(присаживается напротив)*. Валидол дать?

Он *(качает головой)*. Сейчас пройдет... извини... сейчас.

Она. Часто у тебя прожигает?

Он *(тяжело дыша)*. Не часто... но бывает...

Она. А где ты живешь? Куда ты приехал в командировку?

Он. На стройку... на ТЭЦ... В общежитии, за городом...

Она. Как на ТЭЦ? Ты же в тот раз говорил — на какой-то завод... какую-то машину налаживать.

Он. Я неправду сказал... Тогда тоже на ТЭЦ.

Она. А постоянно где проживаешь?

Он. Нигде.

Она. Как нигде?

Он. Квартиру им оставил. Только прописан там... в Казани...

Она. В Казани? А в прошлый раз ты разве говорил — в Казани?

Он кивает.

(Пожимает плечами, точно не помнит, как он говорил тогда.) И ты что, часто сюда приезжаешь?

Он *(превозмогая боль)*. Второй раз... Вера, разреши зайти к тебе...

Она. Хэ! А на свежем воздухе полезней. Давно один живешь?

Он *(морщится от боли)*. Три года.

Она. Как — три года? Ты же год назад говорил — три года!

Он *(с трудом произносит слова)*. Я почти все тогда наврал, Вера. Я прошу тебя — поедem к тебе. Дома я все расскажу. Поедем...

Она. Ты от жены ушел или она от тебя? Ты тогда говорил...

Он *(перебивает)*. Да подожди ты! Сидишь как чужая... зачем тогда спрашивать?.. Ты бы хоть обняла меня... Ну, обними меня, Вера... обними... Ну, Вера...

Она сжалась, нахмурилась. Он берет ее руку, кладет себе на плечи, прижимается щекой к ее груди. Она молчит.

(Почти шепотом.) Верочка... давай потихоньку поедem...

Она. Перебьешься. Лучше расскажи, как ты дошел до такой жизни.

Он. До какой?

Она. Ты знаешь, до какой.

Он *(устраивается поудобнее)*. Захолостяковался я, Вера...

Она. Что, что?

Он. Закуролесился. У меня слишком много впечатлений в голове, понимаешь. Нельзя, чтоб в одной голове было столько впечатлений...

Она. А чего ж ты шлендаешь по паркам, а не женишься?

Он (*выпрямляется, ему явно стало лучше*). Ой, Вера, Вера, поздно мне уже жениться. Надо было сразу после развода. Но я до того поганно жил со своей холерой, что даже думать не хотел. Она ж была очень тяжелый человек — мучила, зудила, то ревнует, следит, то загуляет, чуть что — вешалась, а сама — господи боже мой! — ни сварить, ни погладить, ни за ребенком посмотреть... Я же и посуду мыл, и готовил, и девчонку в школу отправлял, пока сам не возьмусь за уборку — пылюга кругом! Когда от нее избавился — я уже ничего не хотел, никаких жен, никакой семьи... один, один, один! Покой, покой, покой... только покой!.. А теперь вот три года прошло, и уже все... одна мутота в душе. Пустой я, Вера...

Она. Как — пустой?

Он. Надо было сразу... Мужики моих лет обычно так и делают — от одной жены сразу к другой жене. И правильно. Только так и надо! Я теперь, если какой мой приятель разводится, говорю ему — только сразу женись, сразу женись! А иначе попадешь в лапы к изголодавшимся равнодушкам, и они тебя вмиг выпотрошат, как меня выпотрошили! Это, Вера, страшное дело — в наше время стать холостым мужиком в сорок два года! Ты знаешь, сколько их в каждом городе, равнодушек? Штаны трещат!..

Она. Кто тебя выпотрошил?..

Он. Равнодушки... Ну, женщины разведенные, безмужние... я их называю равнодушками. Мужья им понаоставляли квартиры, и они теперь дают дрозда. Теперь же век равнодушек!.. Вера, пойдем. Это скучно... (*Хочет подняться.*)

Она (*держит его*). Так и я такая!

Он. Правильно. И ты такая. Но ты не такая! Ты же не кидаешься на мужиков? Ты же не попрешься к мужику в гостиницу или в общагу, не полезешь сама в койку? Или как-то я пошел на танцы. На одной стройке, в клубе. Танцую. С одной. Вдруг объявляют... этот дамский! Меня схватила другая. И прямо сразу: тебе ту не надо, она из общежития, а у меня комната своя. И уже держит... чуть ли не за это место! Ты же не такая? Видишь, сколько прошу — пойдем, а ты не идешь. Пошли?

Она (*удерживает его*). Дальше рассказывай!

Он. А что дальше? Все по стройкам, все по стройкам — командировки. Я ж по монтажу. Работа мужская, денежная. Днем вкалываешь, а вечером — куда? В общагу? Вот они мне уже где, эти общаги! И пошел — по рукам да по подушкам! А душа-то постепенно выдувается. Я же всегда от души. Я халтурить не привык. Хоть на два часа, хоть на одну ночь, но от души! (*Помолчав.*) Стал по ночам просыпаться... в поту. (*Коснулся рукой*

лба.) Проснусь, глаза вытаращу и думаю — мамочки родные, что ж это со мной делается, куда я плыву, куда меня несет? И такая тоска — прямо жрет душу!.. Когда разводился, думал — поживу один, спокойно, с толком, с расстановкой, а там, со временем, появится на моем горизонте ласковая спокойная женщина с таким сердцем, как у меня... Мы увидим друг друга, обнимемся и пойдем... А видишь, куда я пришел?

Она. Кто же тебе виноват?

Он. Я сам виноват. Только мне ж от этого не легче. Думаешь, мне жить по-человечески не хочется, если я сам виноват? А уже все — затянула машина! Ведь я же как — одну ночь страдаю, бью себя по голове, а на следующую — снова опять. Недосып на недосып, перепой на перепой...

Она *(перебивает)*. Ты алкоголик?

Он *(помолчав, мрачно)*. Я хуже, Вера!

Она. Как — хуже?

Он. Так вот. Я не хочу тебе врать. Тогда я тебе наврал, но больше не хочу. Я понимаю — ты женщина молодая, ты замуж хочешь...

Она *(перебивает)*. Чего?!

Он. Не чевокай. Я же не дурачок. Ты хочешь замуж. И в тот раз хотела... на чем я тебя и купил, извини. И теперь хочешь. И правильно — почему ты должна жить одна? Но я, Вера, чтоб ты знала, к семейной жизни не способен...

Она. Ха! Давно ли?

Он. Да не в том! В том все нормально! Я просто не могу с одной женщиной находиться вместе длительный период. Вот такая штука. И даже дело не в том, что я не могу, — она со мной не сможет!

Она. Почему не сможет?

Он. Потому что у меня за эти годы, после развода, характер коренным образом изменился. Зажигаюсь на несколько часов, потом гасну. На один, два вечера — это пожалуйста, лучше меня не найдешь. Ты же знаешь — со мной, и свободно, и весело, язык без костей, денег не жалко — одно удовольствие, а не мужик. А вот для постоянной жизни — хуже меня нет. У меня уже были, Вера, попытки бросить якорь. Ничего не вышло. Сразу делаюсь жмотом, жадюгой, бабе ни в чем не доверяю, лезу во все кастрюли, людей от дома отваживаю, все время мне кажется, что она с кем-то... я же знаю, как со мной запросто ложились, а чем она лучше? Кошмар, а не жизнь! Единственное — дети меня любят. Это да. Но мамыши их, женщины... начинается каждый раз вздох — кончается мордобоем!..

Она. Значит, не те женщины были.

Он. Нормальные женщины.

Она. А тебе нужна ненормальная женщина. Нормальная тебя никогда не поймет, забулдыгу такого. Потому что нормальная только себя любит. А тебе нужна дура ненормальная... вроде меня. Я не про себя, ты не думай. Ты уже один раз женился на мне, хватит. Просто чтобы ты знал, какой тип, как ты говорил. Вот тебе нужен мой тип. Точно, точно. Но такую дуру, как я, теперь днем с огнем не найдешь! *(Сбрасывает туфли, забирается на скамейку с ногами, кладет ему голову на колени.)* Представляешь, Леша, он заработки свои от меня укрывал, чтоб сыну родному лишней копейки не прислать, а я в это время его ждала. Как будто он не к другой ушел, а в армию призвался. Все себе картину рисовала: прихожу с фабрики, а он ждет у подъезда. Я ни слова не говорю, впускаю, отмываю его в ванной, на стол накрываю... Потом мы ложимся, и тут я ему говорю: «Петенька, а я ведь все это время ни с кем не была, тебя ждала»... Представляешь, вот так лежу как дура на широкой кровати и мечтаю, что он услышит это и расплатится от счастья... Каждый сантиметр исцелует на мне... А он в это самое время со второй развелся да на третьей женился!..

Он наклоняется — растроган, целует ее в губы, волосы.

(Вдруг.) Да отстань! *(Отталкивает, садится.)* Все вы такие. И ты хорош. И тебя чтоб привести в порядок — нужно сколько сил, и сколько нервов, и сколько терпения... Только знай подлаживайся. А потом... улетучишься! Ты не думай, я в жены не набиваюсь. А говорю, потому что вижу тебя насквозь. И могу сказать, если хочешь, что тебя может спасти. Сказать?

Он. Могила спасет!..

Она. Да брось ты глупости говорить! Надо только очень захотеть, дурачок. Чтоб ты очень захотел. И чтобы она очень захотела. Тогда все получится. Все можно изменить, Леша, если действовать! Я тебе простой пример приведу. Я, значит, работаю контролером ОТК. А моя новая начальница, начальник ОТК, меня невзлюбила. Ну, никак. Просто хоть уходи. А я на фабрике десять лет — я всех знаю, меня все знают... не хочу уходить! И что я делаю? Прихожу в пятницу, перед выходным, и говорю ей: «Анна Захаровна, прошу вас завтра в два часа быть у меня. Есть к вам разговор, касается жизни одного человека. Не придете — потом никогда себе не простите». Пришла... Я приготовила обед, купила бутылку. А у меня, ты знаешь, в квартире чистенько, я ее раздела, говорю: разувайтесь, у меня в квартире, говорю, все босиком ходят — и я, и сын, и гости, и летом и зимой. Она так удивилась, но понравилось шлепать босиком. Сразу из начальника в женщину превратилась. Сели к столу, выпили по рюмашечке, и я ей говорю: «Анна Захаровна, вот вы меня не любите, а ничего про меня не знаете. А мне обидно. Вот я и решила, сейчас вам всю свою жизнь расскажу, а потом решайте — можно ли такую женщину, как я, не любить». И прямо с рождения начала ей рассказывать. И какой у меня был отец пьяница, и какая мама прекрасная была, и как нам жилось. Ну все, все... и про Петра, про мою жизнь с ним, все рассказала. А когда кончила, она плакала. Потом она мне про свою жизнь рассказала —

тоже дай бог. И ночевать у меня осталась, и все — были враги, а утром пришли на фабрику подруги! Понял? Все можно изменить, если захотеть. И не ждать, пока само... а что-то делать! Не улыбайся, дурачок. Ты лучше вот подумай и скажи: вот о чем ты в жизни мечтаешь? Есть же у тебя такое, чего ты всю жизнь добиваешься, а добиться не можешь?

Он смеется.

Я серьезно. Ну давай начнем с самого маленького. Вот есть, скажи, такая вещь, которую ты давно мечтаешь иметь? Скажи, из одежды?

Он. Не знаю.

Она. Ты подумай!

Он. Вельветовую шляпу. Вот к этой куртке.

Она. Значит, должна быть вельветовая шляпа. Твоя жена должна позаботиться, чтоб у тебя была вельветовая шляпа! Другие мечты называй. Тебе хочется, скажем, куда-нибудь съездить?

Он. На Камчатку. У меня родители родом с Камчатки, никогда не бывал...

Она. Значит, один отпуск — это Камчатка. Твоя жена должна запланировать. Это же все доступно, Алексей! Да взять еще с собой дочку с мужем. Тебе же хочется, чтоб у тебя были хорошие отношения с ними, правда?

Он. Холера не даст...

Она. Даст.

Он. Не даст.

Она. Даст! Я тебе опять пример приведу. Был такой момент, когда я решила не допускать Петра своего к Витьке. Не дам встречаться, и все! А я знала — он сына любит, копейку жалеет, а любить любит. А я решила: вот так! Стала Витю против отца настраивать. И вдруг получаю, значит, письмо от его третьей супруги. Ты знаешь, Леш, такое письмо замечательное, такие слова там были, что я разревелась. И отправила Витьку к ним на зимние каникулы. И она так хорошо за ним смотрела, мне прислала грибов три банки, написала подробно, как Витька там себя вел, что ел, где спал... полный отчет! Витька и сейчас там, у отца... я тебе наврала, что в пионерлагере. Он там. На месяц поехал. Видишь, как? Любой вопрос можно по-человечески решить, Леш! Если очень захотеть...

Он. А чего ж это Петр ушел от тебя, если ты такая понятливая?

Она (*с выношенной болью*). Так это я теперь стала такая понятливая, Леша, — после того, как он бросил меня. Я ж ему по рублю на обед выдавала, ни копейки больше! А теперь, вот клянусь, выйду замуж — пускай всю зарплату у себя оставляет!.. Леша, накинь на меня свой вельвет... прохладно.

Он (*поднимается, снимает куртку, бережно кладет ей на плечи. Ласково*). Вера, давай пойдем...

Она. Подожди. (*Надевает куртку в рукава.*) Леша, какие у тебя еще есть мечты?

Он (*смеется*). Побегать сегодня ночью босиком по твоей квартире!

Она (*шлепнула по задку*). А машину не хочешь?

Он. Вера, хватит! (*Отходит на несколько шагов от скамейки. Стоит к ней спиной.*) Я тебя жду!

Она. Ну, скажи... хочешь машину?

Он не отвечает.

(*Всовывает ноги в туфли, встает, подходит к нему сзади, обнимает.*) Я серьезно спрашиваю, дурачок... хочешь?

Он (*гримасничая*). Ну, допустим, хочу!

Она. Значит, будет! (*Тянет его обратно на скамейку.*)

Он. Вера, нет, пошли!

Она. Пять минуточек посидим и пойдем. Пять минуточек. (*Усаживает его на скамейку, садится к нему на колени.*) А машина вполне может быть, Леша. Если ты зарабатываешь 400 да, скажем, твоя жена будет зарабатывать примерно 200 — это 600. Можно так уложиться, что половина — на сберкнижку. Вот и считай — в год 3600. Два года — и машина! Так что, Лешенька, когда женишься (*гладит его по лысине*), обязательно запиши на листочке все свои мечты и пожелания. Для сведения супруги. И повесишь на стеночку, под зеркалом. Понял? (*Съезжает задом с колен на скамейку, нагибается к его ногам, задирает штанину.*)

Он. Ты чего?

Она. Спокойно... (*Рассматривает носок на его ноге.*) Точно, носок нашей фабрики. Здесь покупал?

Он кивает.

Следующий раз будешь покупать, ищи этикетку, где напечатано контролер № 9. Это я! Понял?

Он (*поднимается, берет ее за руки*). Вставай, контролер № 9. Вставай! (*Тянет ее.*)

Она (*поднимаясь*). Только, Леша, ты имей в виду — сейчас мы пойдем, но в квартиру ко мне ты сегодня не заходишь.

Он. Что? Ты что, с ума сошла? Почему?

Она. Это тебе наказание... за то, что не узнал меня.

Он (со всей присущей ему энергией). Вера! Прекрати! Мне поздно возвращаться в общагу! Ты можешь понять? Ты что?

Она (очень грустно). А почему ты меня сразу не узнал? Ну как ты мог забыть, ну как? Что ж от тебя ждать хорошего? Что я такая незапоминающаяся? Тогда ищи запоминающихся!

Он (встает, опять садится. По-хорошему). Ну, Вера... Ну так вышло. (Берет за руку.) Думаешь, мне приятно, что так получилось? Мне же тогда так хорошо с тобой было...

Она. Не хочу, не хочу, не хочу! Не трогай меня! (Отбрасывает его руку.) Карточку всунула ему, думала — по карточке вспомнит. Ты же видел эту карточку у меня на стене.

Он. Ну, Вера... Может, у меня с головой что-то не то... я же не специально... Миленький, я очень прошу тебя, не оставляй меня сегодня, заведи меня к себе... Я лягу где-нибудь, где ты скажешь... на полу, где угодно... Понимаешь, Вера... тогда... ну, как тебе сказать... мы тогда шли в разные стороны, случайно наткнулись друг на друга и опять пошли в разные стороны. Теперь же совсем другое!

Она. Ну что — другое? Ну что — другое?

Он. Сегодня это судьба, Вера. Сегодня что-то произошло, что-то началось. Это не просто так. Тогда ничего не началось, а теперь началось. Тогда нас черт свел, а сегодня бог. Серьезно. Ну почему и ты, и я именно сегодня, именно в этот момент, именно в этот час оказались в этом парке? Ну почему? Это судьба, как ты не понимаешь?

Она. Я почти каждый вечер бываю в этом парке, понятно? А встретились, потому что я подошла. Ты никогда и не вспомнил бы, что есть такая Вера на свете. Ты же подходил к скамейке, на которой я сидела. К блондиночке! (Передразнивает.) «Дождь ожидается или не ожидается?» Я же там сидела, рядом. А ты даже не заметил... глазами провел как по пустому месту. А я тебя узнала и пошла за тобой. Вот тебе и судьба!

Он (резко меняет интонацию. Наступательно). Вера, ты что хочешь? Мне уйти? Уйти, я спрашиваю?

Она. Уйди... Ты что, не можешь меня просто так проводить? Один раз?

Он (гневно). Вера, я взрослый мужик! Мне уже пора учиться, как в гроб ложиться... а ты со мной в кошки-мышки играешь! Отвечай прямо: мне уйти? Если ты меня не пускаешь, я уйду!

Она. Посиди... Я сейчас приду.

Он. Что?

Она. Мне надо в одно место.

Он. А потом что?

Она (*поднимается*). Потом... суп с котом! (*Улыбается.*)

Он (*привлекает ее к себе, она снова оказывается у него на коленях. Целует ее. Шепотом, между поцелуями*). Вера, я ночую? Да?.. Ночую?.. Да?.. Да?.. Ночую?..

Она (*отстраняется*). Ты на сколько приехал?

Он. На три месяца. Неделя только прошла.

Она. А дальше что будет?

Он. В каком смысле?

Она (*твердо, настойчиво*). С командировками надо кончать, Леша. Ставь жирную точку. Месяц поживешь у меня, потом возьмешь два дня за свой счет, слетаешь в Казань, выпишешься, уволишься, и все. Даже можно не летать, кстати, — паспорт пошлешь, тебя выпишут. Сэкономим.

Он (*несколько опешил*). Ну, хорошо. Но я тебя предупреждал, Вера... со мной трудно.

Она. Ну, вот и приглядимся — ты ко мне, я к тебе. Полмесяца поживем без Витьки. Потом он приедет, посмотрим, как с ним будет...

Он. За Витьку ты не беспокойся. За себя беспокойся.

Она. Ты за себя беспокойся! Понял? (*Улыбается, обнимает его, целует.*)

Вместе, в обнимку, встают, целуются стоя.

Отпусти... я быстро.

Он. Пойти с тобой?

Она. Сама дорогу найду! (*Чмокнула в лысину, побежала.*)

Он остается один, хмель почти прошел. Стало совсем темно. В этом отдаленном уголке парка никого уже нет. Он смотрит на часы, вздыхает озабоченно, загадочно улыбается своим мыслям. Закуривает. Задумчиво прогуливается вдоль скамейки — в одну сторону, в другую. Вдруг на него находит какой-то приступ активности. Сделал несколько упражнений руками, несколько приседаний. Положив сигарету на скамейку, пытается встать на руки — сваливается. Поднимается, отряхивается. Берет сигарету, ложится на скамейку вверх животом, пробует пускать дым колечками — не выходит. Начинает насвистывать на мотив песни «На позицию девушка провожала бойца...».

Появляется Вера — в ее настроении произошла резкая перемена: она идет медленно, усталым шагом, сумочку волочит по земле, очень печальная, на устах странная горькая усмешка, почти плачет. Она подходит к скамейке.

Он (*перестает свистеть, вскакивает*). Уже? Ну, ты просто по-солдатски, молодец! А что такая грустная? Опять вспомнила, что я тебя не

узнал? *(Усмехается.)* Кирпич принести? Куда ты его бросила? *(Смотрит вокруг.)* А, вот он! *(Показывает пальцем.)* Принести? *(Смеется.)* Анекдот рассказать? Как наш турист попал в Париж...

Она стоит как пришибленная.

(Дергает ее за рукав.) Ну, хватит, хватит... Вера! *(Ернически, по-оперному поет ей.)* Я раска-иваюсь, Вера-а!.. И обещаю вам твердо-оо!.. Что никогда больше в жи-зни-ии!.. Не забуду я ва-ас!.. *(Смеется.)* Пошли? *(Берет ее под ручку.)*

Она выдерживает руку, садится на скамейку.

(Подходит к ней.) Что произошло, Вера? Ты можешь объяснить — что случилось?

Она снимает с себя вельветовую куртку, протягивает ему.

Зачем ты отдаешь?

Она. Документы оставляй дома в следующий раз...

Он. Что? *(Берет куртку.)*

Она. Я посмотрела твой паспорт...

Он *(бледнеет, потом мрачнеет).* Ах, вот оно что! *(Быстро достает из внутреннего кармана паспорт, кладет обратно. Надевает куртку.)* Кто тебе дал право?

Она *(глотаю слезы).* Извините, Федор Кузьмич... отец двух сыновей... работающий на автобазе... ниоткуда не командированный... проживающий на Красноармейской улице с супругой... *(Слезы ручьем текут по ее лицу.)*

Он. Все сказала?... Я могу идти?

Она плачет.

(Решительно.) Могу идти?

Она. Я сама сейчас уйду...

Он *(опускается перед ней на корточки).* Дура! Ты же все испортила, дура! Зачем ты полезла? Ты знаешь, что такое лазанье в карманы? Это символ... всего того, что я ненавижу в семейной жизни. Проверочки... контроль! Не можете в мозги залезть, так вы залезаете в карманы!.. Ну и что ты узнала? Что я не Леша, а Федя? Что у меня нет дочери, а есть два сына? Это все тебе очень важно, да?.. Ах, ты узнала, что я женат. Это главное. Собралась замуж. И нате вам! Обманул! А может, не обманул? Такого ты не можешь допустить?

Она *(сквозь слезы).* А штамп?

Он. Ну и что — штамп? Я спрашиваю: ну и что — штамп? Ты же недавно сама разводилась, прекрасно знаешь — пока человек не внесет сколько положено за развод, штамп о разводе не ставят. Остается тот. Полжизни

можно прожить разведенным, а по паспорту умереть женатым! Развелся, а деньги пожалел... и хожу со старым штампом... Может так быть? Пожалуйста, другой вариант: собираюсь поехать работать за границу... В Африку!.. А когда за границу оформляют, лучше считаться женатым, чем разведенным. Быстрее пустят. Может, я поэтому? Мне так выгодно, удобно! Могу еще сто вариантов назвать. Так что зря полезла — все равно не узнала, как на самом деле!

Она *(вся еще в слезах)*. А как на самом деле?

Он. Не скажу!.. Считай, что я женатый. Просто погуливаю... налево. Пожалуйста, считай так.

Она. А что, не так?

Он. Не скажу! Если б не лазала — сказал бы. Я сегодня собирался тебе все рассказать... извини, в постели! А теперь не скажу!

Она. Мне все равно...

Он. Ну да! Если бы — все равно! Тогда было бы вообще прекрасно! Но тебе не все равно. А знаешь, почему? Потому что ты глупая. Ты правильно себя назвала — ненормальная дура. Вот это ты и есть... Все же выясняется. Идиотка, шило в мешке не утаишь... если люди продолжают встречаться. А если не продолжают, тогда вообще... какая разница? Я, например, всегда при первой встрече называю себя другим именем. Всегда! У меня такое правило. Жизнь научила так поступать. Поэтому я тогда называл себя Юрой. А сегодня тоже — я же сначала не знал, что я тебя знаю...

Она. Ты уже знал, что ты меня знаешь, когда назвал себя Лешей... Дочку какую-то придумал...

Он. Ну и что? Знал!.. Но я не знал, как у нас дальше пойдут отношения. Знал? Не знал! Ты же меня хотела задушить. Чуть не поволокла в отделение. А я, значит, должен в ответ исповедоваться? С какой стати? Чтобы ты в карман не полезла? Ну, полезла. И что? Узнала — и ушла? Нет же! Сидишь и плачешь!

Она резко, решительно поднимается.

Да сиди ты! *(Усаживает ее обратно.)* Успокойся. Сейчас расскажу все. *(Закуривает.)* Я работаю начальником снабжения на автобазе. Здесь, в городе, у меня два сына. Один в прошлом году женился, живет отдельно. Три года назад я с женой развелся. Так что не обманул... в самом главном. Она учительница литературы, Ленинградский пединститут закончила... имени Герцена! Всю жизнь мной недовольна была... я неотесанный, мало читаю, не умею человечески разговаривать с людьми... у нее там... своя компания... может, изменяла, не знаю, не поймал! Презирала, что я снабженец... хотя сама прекрасно пользовалась всем... и машина всегда, и любой дефицит... все доступно было. Ребят оберегала от моего влияния... приучила их с

детства, что папа — это бяка!.. Ну, я терпел сколько мог. Потом развелись. Но живем пока в одной квартире... не разменяться никак.

Она. Я тебе не верю!

Он. Тебя штамп, что ли, беспокоит? Ну, ты бюрократка! Она себе штамп поставила, ей надо было, она в прошлом году замуж собиралась. А мне не надо было, я не собирался жениться, вот и все! Завтра внесу девяносто рублей — и пропечатают хоть на лбу! Чтоб всем равнодушкам видно было — хо-ло-стой! Накидывайся!

Она. Я тебе не верю!

Он. А это твое личное дело, Верочка. Лазать в карманы запрещено, а не верить — это ради бога! Могу даже дать совет, как поступать, чтоб тебя никогда не обманывали. Не ходи в парк, не знакомься ни с кем, сиди дома. Тогда ты будешь в полной безопасности! *(Вдруг.)* Дай авторучку.

Она не отзывается, поправляет волосы, собирается уходить.

Есть ручка?

Она не отвечает.

Ну, дай авторучку, тебе говорят.

Она. Зачем?

Он. Это мое дело.

Она достает из сумочки шариковую ручку, подает ему.

(Поднимает с земли помятую газету, отрывает кусочек. Вытаскивает из кармана паспорт. Подложив паспорт, пишет что-то на клочке газеты. Прячет паспорт. Протягивает ей авторучку и бумажку.) Возьми.

Она смотрит на него недоверчиво, хмуро.

Это мой домашний телефон. Ее зовут Антонина Петровна. *(Смотрит на часы.)* Сейчас она должна быть дома. Можешь ей прямо отсюда позвонить. Вон автомат. *(Кивнул.)*

Она. Зачем?

Он. Как зачем? Позвони и скажи: так и так, я познакомилась с Федором Кузьмичом, но у него в паспорте штамп. Вы меня извините, скажи, но я хотела бы знать, как обстоит на самом деле. И она тебе скажет, как обстоит на самом деле... Возьми...

Она берет только ручку.

Возьми номер телефона.

Она. Я не буду звонить.

Он. Почему?

Она. Потому что я тебе все равно не верю.

Он. Ты будешь разговаривать с моей бывшей женой... что тебе еще надо? Или ты думаешь, что я, перед тем как пойти в парк, сговорился с какой-то дамой, чтобы она играла роль моей бывшей жены по телефону? Специально для того, чтобы тебя обмануть?.. Ну сколько я буду стоять с протянутой рукой?

Она. Куда ты тогда, ночью, так торопился? Ты же все придумал — про командировку, про самолет... куда ты спешил?

Он. Тогда?

Она. Да, тогда.

Он. Домой спешил. К себе домой. Она просила меня ночевать дома в тот день, сынишка младший заболел, температура... боялась, что придется в больницу класть, вызывать «скорую», и попросила меня быть дома. Поэтому я спешил. Я тогда приехал — она кинулась ко мне, начала рыдать, просить, чтобы мы сошлись снова. У нее до этого был какой-то мужик, собиралась замуж, но все сорвалось. У нее тогда был очень тяжелый, жуткий период... металась. Я тебе все скажу — я тогда согласился попробовать по новой. Извини, но вот так: вернулся от тебя и лег спать с бывшей женой, к которой два года не прикасался. Все же не просто. Сама знаешь, как все это тяжело, мучительно. Сама до сих пор говоришь «мой Петя», хотя он да-авно уже не твой... Ничего у нас тогда не вышло, через три дня опять пошли скандалы, и с тех пор уже все. Так что можешь смело звонить. Если она еще узнает, что у тебя квартира, куда я мог бы отселиться, даже помогать будет... подружками станете! *(Протягивает бумажку.)* Бери.

Она *(не дотрагивается к бумажке)*. А зачем ты дочку какую-то придумал?

Он. Ну, придумал и придумал, ну что делать! Фантазия у меня богатая. Я же когда эту дочку придумал? В самом начале! Ну, а потом уже, так сказать, поддержал собственную инициативу. Развил. *(Смеется.)* Ты пойми, Вера, мы два взрослых человека, каждый прожил целую жизнь — и вдруг встретились! В таких случаях не бывает все гладко. С самого начала. Вот ты сказала — Витя в пионерлагере, потом оказалось — у отца. Ну, зачем ты соврала... ведь не объяснишь зачем? Так получилось. Я тебе пока чужой человек, поэтому сам язык так поворачивается, что говорит неправду. И я уверен — будем вместе, со временем еще много обнаружится всяких вещей, о которых ты сейчас умалчиваешь. Закон жизни! А я вообще человек, с одной стороны, скрытный, осторожный, а с другой стороны — с богатым воображением, люблю похвастать, мозги позасорить... Снабженец! У нас в снабжении знаешь как — все надо уметь... и приврать, и придумать, и забыть то, что помнишь, и помнить то, что забыл! В такой, бывает, переплет попадешь... ну, думаешь, крышка, все!! Начнешь мозгами шуровать, шуровать, шуровать... глядишь, выход нашелся! Опять на коне! Но есть во мне и другое. Я, например, человек бескорыстный. Хочешь эту куртку? Пожалуйста, дарю! Могу и джинсы снять... в трусах пойду домой, если

будешь настаивать! А было в моей жизни и такое, о чем никогда никому на свете не скажу! Мы ж не мальчик и девочка, Вера. И видели мы друг друга знаешь сколько? Тогда четыре часа и сейчас (*смотрит на часы*) два часа. Итого — шесть часов. Вот тебе и вся наша совместная биография! И что впереди, одному богу известно. Извини, что я все это говорю, но ты же хочешь правду. Ты же за правдой даже в карман полезла... Кстати, у меня есть к тебе один вопрос. В связи с карманом...

Она (*настораживается*). Какой вопрос?

Он. Ты когда поняла, что у меня в кармане лежит паспорт? Там, в туалете? Или ты уже пошла, зная, что он лежит в кармане?

Она (*не сразу*). Да...

Он. Что да?

Она. Знала...

Он. Ты была в туалете?

Она. Нет...

Он. Значит, ты специально пошла посмотреть паспорт?

Она. Да... (*На глазах выступают слезы.*)

Он. Видишь, как? Не очень красиво, правда? Ты же могла мне сказать: тут твой паспорт, покажи мне его, пожалуйста, Федя.

Она (*сквозь слезы ее начинает разбирать смех*). А ты еще тогда был Леша...

Он тоже прыснул, оба смеются.

Извини, но ты тогда еще был Коля... Знаешь, когда я почувствовала, что у тебя паспорт?... Когда ты меня прижимал... кричал, что можешь попасть в сумасшедший дом... (*Ее трясет от смеха.*)

Он (*прекращает смеяться. Хмуро*). Так ты что — специально, что ли, попросила накинуть куртку? Чтоб потом пойти и посмотреть паспорт? Для этого?... Я спрашиваю тебя — для этого?

Она обрывает смех, делается серьезной, печальной.

Даешь, однако. Бедная, невинная, обманутая! Надо же — какая! Почувствовала паспорт!.. Чувство паспорта у тебя развито! Это новое чувство... надо зарегистрировать!.. Ты же целовалась, а сама в это время, значит, нацелилась пойти глянуть! Ну, ну!..

Она (*поднимается*). Я пойду.

Он не реагирует.

(*Топчется на месте.*) Если тебе нетрудно, проводи меня до выхода... темно, я боюсь...

Он молчит.

Ну, тогда до свиданья... Что, даже «до свиданья» не можешь сказать? Чем я тебя так обидела? Я же сама сейчас во всем призналась. Тебе все можно, а мне ничего?..

Он (*поднимается, подходит с улыбкой, обнимает*). Все! Мир! Только имей в виду — теперь мы квиты: я тебя обманул, ты меня обманула. (*Улыбается.*) Пошли. (*Берет ее под ручку.*)

Она (*не двигается с места*). А ты что... три года как в разводе... и никого у тебя нет?

Он. Почему нет?.. Ну, там были... К одной даже переселился, полгода проваландались. Мне, знаешь, везет на штучек... Я у нее жил, деньги давал приличные, полное доверие... вдруг обнаруживаю... случайно... она на эти деньги сберкнижку себе завела, тайно от меня! Представляешь? А такая вроде вся была преданная, ласковая, услужливая!.. Я что, говорю, у тебя квартирант, что ли? На постое? Врезал так, что отлетела на пять метров! И ушел... (*Взрывается.*) Ненавижу паразитов! Я с четырнадцати лет вкалываю, заочно техникум кончил... поступил в институт — бросил, тащил все на себе!.. Ты, Вера, не знаешь, какая это тяжелая работа — снабжение, как она выматывает. Ничего же нет, все доставай неизвестно откуда! Извини, но приходилось иногда даже переспать... с какой-нибудь мымрой, чтоб подмахнули бумагу... Измучился я, Вера, устал... от этой работы, от этой жизни! Сорок пять лет скоро... не имею своего отдельного угла... Эта перебирает... то ей не нравится, это ей не нравится... Я ей сказал — меня устраивает любой вариант размена... любой! (*Закуривает.*) Хочешь закурить?

Она. А я не курю, Федя. Так, для форсу... (*Помолчав.*) Федя, а может, не надо размениваться? Оставь им квартиру. У вас сколько комнат?

Он. Две.

Она. Вот и оставь. Их же двое. А если у нас с тобой будет нормально, я свою однокомнатную могу поменять на двухкомнатную за городом. У меня же вся родня за городом живет, и я оттуда... они все время меня уговаривают. Не так далеко, сорок минут отсюда. Там знаешь как хорошо — рядом лес, речка, озера. Будут у нас две комнаты — красота! Витьке одна, и нам одна. А мне там вообще легче... сестра всегда поможет, муж у нее замечательный, милиционером работает. Там от нервов своих действительно отдохнешь, не то что в городе.

Он. Не знаю, Вера. Так-то неплохо, конечно. Только надо еще посмотреть, что у нас получится.

Она. Получится... я сейчас уже верю, что получится, Федя, а хочешь, мы завтра утром поедem к моим? Давай? Сегодня пятница, два дня выходных.

Можем вернуться в воскресенье вечером, а можем в понедельник утром. Тебе когда на работу?

Он. К девяти.

Она. А мне к восьми. Приедем пораньше... на станцию пойдем пешочком, там такая дорога хорошая... через лес. Поедем?

Он неопределенно пожимает плечами.

Ты не думай, там тебя никто ни о чем не будет спрашивать, никакой неловкости не будет. У сестры три комнаты, одна — наша. Или на веранде... у них большая веранда, закрытая, летом там знаешь как хорошо спать. Утром солнышко тебя будит. Поедем, ладно? У тебя дел никаких нет в городе?

Он. Да нет вроде. Просто...

Она. Поедем, поедем! Все, решено! *(Целует его.)* Слушай, а может, мы дом построим? Ты бы хотел иметь свой дом? Это возможно. Хорошее место выберем, там нам помогут... тем более ты снабжением занимаешься... ну там транспорт, материалы... тебе же полечче, чем другому, правда?.. А у меня на книжке лежат две тысячи, для начала. Хочешь дом?

Он. Неплохо бы! Дом — это дом! Это не квартира.

Она *(радуется)*. Ну!.. Сначала поменяем однокомнатную на двухкомнатную, а потом потихонечку начнем строиться. Нам же не к спеху... потихонечку, потихонечку — и домишко вырастет! Твои ребята всегда смогут приехать. Тем более у тебя скоро внуки... Там не намечается?

Он. Да вроде пока нет.

Она. Федя, это мысль!.. А квартиру оставишь. И она довольная будет, тоже хорошо. Все-таки вы сколько прожили? Лет двадцать?

Он кивает.

Ну! Зачем человека обижать? Я так рада, Федя, что мы завтра едем! Ты увидишь, какая у меня хорошая сестра, какой у нее хороший муж, какая у меня хорошая мама! Брат, правда, старший забулдыжка... но тоже ничего, под какое настроение попадешь. *(Пауза.)* Федя, а ты действительно считаешь: то, что мы сегодня случайно встретились, — это судьба? Считаешь? Или просто так сказал?

Он. Пошли, Вера. Считаю.

Она. Нет, ты точно скажи — правда считаешь?

Он. Правда. Пошли!

Они делают несколько шагов, она останавливается.

Ну, что опять?

Она *(вдруг сникшая, опечаленная)*. Федя, не обижайся...

Он. Ну что, что?

Она. Я хочу позвонить.

Он. Куда?

Она. Твоей жене...

Он. Ну, понятно!

Она. Если ты против, я не буду...

Он. Да ради бога! Звони, звони!

Она. А чего ты кричишь?

Он. Кричу... потому что могла полчаса назад позвонить!

Она. А ты что, торопишься?

Он. Да никуда я не тороплюсь! Просто время уже... смотри, сколько! Ну давай иди! Звони! Я подожду тебя здесь? Или пойти с тобой?

Она. Федя, я даю тебе слово, что вот сейчас позвоню и никогда больше в жизни не буду тебя проверять, никогда в жизни даже одним пальчиком в карман не полезу... и вообще ничего, ничего такого не будет! А теперь просто... Ну...

Он. Ну, понятно, понятно. Иди звони.

Она. Поцелуй меня.

Он целует ее.

Она нормально со мной будет разговаривать?

Он. Нормально... я не знаю... если шлея под хвост не попала, то нормально...

Она. А сын твой дома?

Он. Он у деда, у ее отца. В Туле. Пойти с тобой?

Она *(покачала головой).* Я и так стесняюсь. Я быстро. *(Уходит.)*

Он. Вера! А номер? *(Вынул из кармана бумажку.)*

Она. А я запомнила!

Он. Как запомнила? Ты же в руках не держала?

Она. Ну и что? Я глянула и запомнила. 34-23-17. Антонина Петровна. У меня с детства знаешь какая память!

Он *(искренне изумлен).* Ну ты даешь! Тебе шпионом работать!

Она. А! А ты все — дура, дура... глупая. Понял? Поцелуй еще раз...

Он подходит к ней, обнимает. Стоя целуются. Она мягко, бережно высвобождается из его объятий. Чмокнула в лысину, побежала. Он остается один. Смотрит на часы. Закуривает. В пачке мало сигарет, огорчен этим обстоятельством. Идет в том

*направлении, куда ушла Вера. Останавливается, возвращается. Снова смотрит на часы, вздыхает. Садится на скамейку — вытянул ноги вперед, руки за спинку, запрокинул голову. Курит и насвистывает на мотив песни «Скакал казак через долину, через маньчжурские поля...». Вдруг появляется **Вера** — не с той стороны, куда уходила. Видимо, возвращаясь, она пошла напрямик, через газоны. Она идет быстро, нервно, вся озлобленная, агрессивная, лицо перекошено гневом. Федор поднимается ей навстречу. Настораживается.*

Он (*опережая ее*). Что такое? Опять что-то?

Она (*сдерживая гнев*). Сядь.

Он. Зачем?

Она. Сядь!

Он садится.

Встань.

Он. Вера, что с тобой?

Она (*орет*) . Встань!

Он поднимается.

Чей телефон ты мне дал?

Он. Как чей?

Она. Телефон чей? По которому я звонила.

Он. А что случилось? Не туда попала?

Она не отвечает, смотрит неприязненно.

Ты дозвонилась? Разговаривала?

Она. Не дозвонилась...

Он. Никто трубку не берет? Или занято?

Она. Никто не берет...

Он. Значит, она еще не пришла. Я-то при чем? Она свободная женщина — когда хочет, тогда приходит. Иногда вообще не приходит. Ты что — из-за этого? С ума сошла, что ли? Подозреваешь, что я знал, что ее нет дома, поэтому дал номер? Позвонишь из другого автомата. Возле своего дома. Или завтра. Пойдем... И хватит уже нервы трепать... и себе, и мне! Пошли! (*Берет ее под ручку, тянет.*)

Она выдерживает руку, не идет.

Вера, хватит!

Она. Я дозвонилась...

Он. Что?

Она. Я дозвонилась! *(Бьет его по лицу.)*

Он. Ты что?

Она. Ты дал мне номер директора автобазы!

Он *(бледнеет)*. Что?..

Она. Ты дал номер директора автобазы! Думал, там сейчас никого нет... в кабинете? Поэтому дал этот номер?.. Вера — дура, звони хоть до упаду, да? Никого нет, думал? Никого нет, думал? *(Бьет сумкой по голове.)* Никого нет, думал? А там есть! Там у них дата какая-то... отмечают! Дата у них! *(Бьет сумкой.)* Дата! *(Бьет.)* Дата! *(Бьет.)*

Он. Прекрати!.. Я, наверно, телефон перепутал!..

Она. Телефон перепутал! Давай другой телефон, я пойду позвоню! Какой у тебя дома телефон? Ну, какой, какой?

Он. Вот что, Вера, — с меня хватит! Будь здорова! *(Уходит.)*

Она *(хватает его за куртку)*. Стой! Какой телефон, говори?

Он. Я не скажу!

Она. А мне уже сказали! Все сказали! Все сказали! У тебя вообще нет телефона. И с женой ты никогда не разводился! И никакой ты не начальник снабжения, а шоферюга автобусная! Какой у тебя автобус? «МАЗ»? *(Бьет сумкой по голове.)*

Он закрывается руками.

«ЛАЗ»? *(Бьет.)* «УАЗ»? *(Бьет.)* «КрАЗ»? *(Бьет.)*. Я знаю вас, пригородных шоферюг! Деньги берете, билет не даете! Поэтому у тебя четыреста в месяц? Поэтому? *(Бьет.)* Поэтому? *(Бьет.)* Кооперативную квартиру купил недавно с женой? Трехкомнатную? С новосельем тебя! С новосельем! *(Бьет.)* С новосельем!

Он *(отталкивает ее)*. Ну, хватит лупить! Ты что?..

Она *(снова ухватилась за куртку)*. Мне все сказали!.. Директор твоей автобазы очень разговорчивый мужик оказался! Пригласил меня на выпивон... в честь даты. В честь даты! *(Бьет.)* Спросил, сколько лет. Хотел уже машину за мной послать. Молоденькие нужны, да? *(Бьет сумкой.)* Молоденьких любите? Хмыри с машинами! *(Бьет.)* Хмыри на колесах! *(Бьет.)* Я сейчас тебя разведу... *(Тянет его в сторону, что-то ищет глазами.)* Где кирпич, который ты мне давал? *(Тянет его в другую сторону.)* Я сейчас тебя разведу... с твоей жизнью поганой разведу! *(Нагибается за кирпичом.)*

Он сильно толкает ее, она падает. Он быстро уходит.

Навек разведу вас!.. *(Вскакивает, догоняет, мертвой хваткой вцепляется в него обеими руками.)* Ты так не уйдешь! Ты так не уйдешь, пройдоха!

Он. Ну в чем дело? Я тебя обманул, ты меня разоблачила. Что еще тебе надо? Отпусти!

Она *(задыхаясь)*. Нет!

Он. Ну что ты держишь, что это тебе даст, что ты меня держишь?

Она. Нет!

Он. Что — нет? Не хочешь отпускать? *(Усмехается.)* Хочешь, чтобы я пошел к тебе? Ну пошли...

Она бьет его коленом в промежность.

(Скрючивается от боли.) Ты куда бьешь, сука! Сволочь какая!.. *(Отбрасывает ее.)*

Она *(снова вцепляется в него)*. В милицию пойдешь!

Он. Что? *(Смеется.)* Ну и что ты там скажешь? Что я что? Сказал — разведенный, оказалось — женатый? *(Смеется.)* Милиция такими вопросами не занимается, дура! Подумаешь, обманул. Каждый вечер во всем мире десятки тысяч мужчин обманывают десятки тысяч женщин! Это закон жизни!.. Убери руки!

Она. Нет!

Он. Ну что тебе надо, елки-палки! Ты вовремя проявила бдительность... убедилась, что я негодяй, сволочь. Очень хорошо, молодец! Можешь собой гордиться! По голове била, наказала... мало тебе, что ли? Остальное уже на том свете. Найдешь меня там и подведешь к господу богу: вот этот меня нагло обманул, скажешь. Накажите его. И меня бросят в котел. А ты будешь стоять сбоку и смотреть, как я там барахтаюсь в кипятке... и радоваться! Так что подожди немножко, там отомстишь!.. Отпусти...

Она отпускает

Ну, вот правильно. Могу проводить до выхода, если боишься темноты. Проводить?

Она. Не надо.

Он. Тогда, как говорится, с приветом! *(Уходит.)*

Она *(громко, вслед)*. Я завтра к твоей жене пойду! Все расскажу! Отряхнулся и пошел? Я тебя отряхну! Я твой адрес запомнила! Красноармейская, семь, квартира двадцать один!

Он останавливается. Поворачивается. Вид у него грозный. Идет к ней. По мере его приближения она пятится назад, пока не наталкивается на скамейку. Подкошенная краем скамейки,

садится. Сидит, сжавшись, но глаза смотрят свирепо, настырно, готова принять вызов.

Он (*останавливается перед ней*). Откуда ты узнала адрес? Где взяла адрес, спрашиваю?

Она (*боится, но отвечает дерзко*). В паспорте посмотрела! Навек запомнила, понятно? Вот тут он (*рукой постучала по своему лбу*). Отсюда не выковыряешь!

Он. Слушай, ты... паспортистка парковая! Коршун в юбке! Я ведь мужик простой, шоферюга, как ты сказала... я ведь могу и наехать случайно, в темном месте!.. Какая, а! Она к жене моей пойдет!

Она (*с вызовом*). Да, пойду! Хоть одного хмыря проучу!

Он. Да какое ты имеешь право... ты? Я тебе что — брат, кум, сват? Я тебя не знаю и знать не хочу! Мы чужие люди, ты можешь это понять? У меня своя жизнь, у тебя своя! Я не виноват, что ты мужа не можешь найти!.. Нахально, как ворюга, залезла в карман, подсмотрела адрес, а теперь она жене моей скажет!

Она. А чтоб ты не врал нагло! Тут мне врал, дома ей врешь.

Он. Твое какое дело? Ты зачем в парк пришла? За чем пришла, то и нашла! Кто не хочет, чтобы его обманывали, того не обманывают. Я же подсаживался ко многим женщинам... видят, что не то... сразу отшивают... И все, и вопросов нет! А ты сама подлезла, подошла! Я ж тебя не узнал... спал с тобой и не узнал! Да другая бы после этого сквозь землю провалилась, повесилась бы! А ты ничего, скушала! И уже по новой. Снова, опять! И после этого ты еще будешь меня шантажировать? Я что, должен откупиться от тебя? Сколько заплатить, чтобы ты молчала?

Она (*на глазах выступают слезы*). А что, ты так испугался?

Он. Конечно, испугался...

Она. Боишься жены?

Он. Я не боюсь. Я уважаю жену. Человек живет, ничего не знает и знать, может, не хочет. И вдруг ты придешь! Контролер номер девять! Ты давай там, на своей фабрике, носки проверяй, чтоб дырок не было, а ко мне в семью не лезь! Ты что, думаешь, жене скажешь, она меня выгонит, а ты меня подберешь? Будем с тобой дом строить возле твоих родственничков?.. Обманули тебя — делай выводы для своей жизни... а то обнаглела совсем!

Она плачет.

Ты водичку свою соленую не лей. А то сама худая, а слез в тебе три мешка! Я тебя предупреждаю: если моя жена хоть что-то узнает... хоть один звук, хоть один намек... с тобой все, тебе конец! Я мужик добрый, отходчивый, но за такое... не пощажу! Поняла, что я сказал? (*Тряхнул ее.*) Отвечай: поняла или не поняла?

Она (*лицо залито слезами*). Поняла...

Он. Чтоб никаких! Поняла?

Она. Поняла... Иди, ради бога... Не бойся...

Он. А я не знаю, что тебе может завтра в голову стукнуть. Обидит, обманет кто-то, а мстить будешь мне! Я не собираюсь страдать из-за твоей хорошей памяти! Я должен быть уверен, понятно? А то еще письмо какое-то напишешь или еще что-то... Я должен быть уверен, ясно тебе? (*Ткнул ее.*) Давай клянись. Скажи: клянусь. Я кому говорю, скажи: клянусь.

Она (*глота слезы*). Клянусь.

Он. Вот так. Теперь, если хочешь, могу вывести из парка... если боишься.

Она. Не надо...

Он. Не надо так не надо. Тогда я пошел. Не забыла, в чем поклялась? Я спрашиваю — не забыла?

Она. Не забыла... Можешь меня задушить, тогда совсем будешь уверенный... Мне все равно...

Он. Ну-ну-ну... Ничего с тобой не сделается. Завтра опять сюда придешь... как миленькая. Последний раз спрашиваю — вывести из парка?

Она молчит, плачет.

Тогда я пошел. Прощай. (*Уходит.*)

Вера остается одна. Кругом ни души, она одна сидит на скамейке и рыдает. Закрыв руками лицо, она поднимается, заходит за скамейку, идет на газон, опускается в высокую траву и, распластавшись в траве, лицом вниз, затихает. Только плечи у нее вздрагивают от беззвучных рыданий.

Внезапно из-за кустов появляется Федор. Он не в себе, встревоженный, в глазах мрачноватая решимость. Не обнаружив на скамейке Веру, беспокойно смотрит по сторонам. Увидел ее. Подходит, опускается возле нее на корточки.

Он. Вера... (*Осторожно касается ее плеча.*) Вера...

Она (*вздрагивает, приподнимает голову. И вдруг с воплем бросается к нему, обвивает руками, радуется и плачет*). Федя... Феденька... Федечка!.. (*Страстно целует.*) Я так благодарна тебе, что ты вернулся, миленький мой!.. Я бы отсюда живой не вышла, Федя...

Он. Успокойся... успокойся...

Она. Я уже хотела этот кирпич проклятый... я хотела его положить в сумку, сумку повесить на шею... тут пруд недалеко, я знаю там глубокое место...

Он (*встрепенулся*). Ты что? Совсем сумасшедшая? А Витьку на кого?..

Она *(плачет)*. У него есть отец, пускай воспитывает. *(Вытирает слезы.)* А ты почувствовал, да, что мне плохо... да... Миленький мой... мы сейчас поедem ко мне, у меня выпить есть... ты со мной выпьешь, хорошо?.. Ладно?.. Ты не думай, я все понимаю... я сама тебя утром отправлю домой... я все понимаю... *(Опять плачет.)* Меня все обманывают, Федя... Сегодня... один... обещал прийти... не пришел... Так тяжело одной... Ты поедешь ко мне? Поедешь, миленький?

Он. Поеду, поеду... успокойся. Нам надо поговорить, Вера...

Она. Я тебя не отпущу сегодня, Федя... Ты сегодня мой... Только мой! Жене что-то придумаешь... ты же умеешь придумывать. *(Снова обвивает руками, целует.)*

Он. Вера, подожди. *(Высвобождается.)* Успокойся. Нам надо серьезно поговорить...

Она. Говори, милый. *(Вдруг.)* Я тебя сильно ударила по глазу, Федя? Тебе больно? *(Целует глаза.)* Прости меня, пожалуйста...

Он. Все нормально. Успокойся, наконец. Послушай меня. Я не просто так вернулся... все очень серьезно.

Она. Я тебя слушаю... я тебя очень внимательно слушаю.

Он. Сейчас я возьму такси, и поедem ко мне...

Она *(перебивает)*. Не поняла?

Он. Возьмем сейчас такси и поедem ко мне...

Она. Как к тебе? А жена?

Он. Ты слушай. Мы поедem сейчас ко мне, ты посидишь в машине, я найду, возьму кое-что, самое необходимое, и потом мы поедem к тебе. Я буду жить у тебя, если ты не возражаешь.

Она *(ошеломленная)*. А жена?

Он. Я уйду от жены и буду жить у тебя. Только заранее хочу тебе сказать: это не значит, что мы поженились. Я ничего пока твердо не обещаю. Поживем — увидим. Тебя устраивает?

Она. А жена?

Он. Что — жена? Я подам на развод. Ты согласна, чтоб я переехал к тебе?

Она. А жена тебя отпустит? Она сейчас дома?

Он. Я тебя спрашиваю: ты согласна с таким условием?

Она. С каким условием?

Он. Что я пока ничего твердо не обещаю. Согласна? Или нет?

Она. Федя, а почему ты вдруг решил?

Он. Для меня это не вдруг. Я об этом думал все время. Восемь лет с ней живу — восемь лет об этом думаю!

Она. Подожди... как восемь? Ты же... у тебя сын женатый! Зачем ты меня снова обманываешь, Федя?

Он. Я не обманываю. Это сын от первой жены. Я с ней развелся восемь лет назад. Они живут в Казани, она вышла замуж за военного, и они переехали в Казань. Там сын и женился. А это вторая жена, сын у нас... во второй класс перешел.

Она. Как вторая жена?

Он. Была первая, сейчас вторая... может, ты будешь третья. Теперь понятно? *(Улыбается.)*

Она. А почему ты от нее уходишь? Что-нибудь случилось? Федя, если она сейчас дома, я с тобой не поеду... я боюсь.

Он. Ее нет дома, я не знаю, где она. Пришел с работы — записка: еду к подруге, буду поздно или утром.

Она. А если она вернулась? Я не поеду, Федя. Скажи, где ждать. Но только не у твоего дома.

Он *(с нервным напором)*. Ты поедешь! Я один застряну... останусь. Мне надо вырваться! Вываться надо, понимаешь? Я сам не могу, а у меня никого нет, я один! А жить я больше так не могу! Я прошу тебя поехать со мной! От тебя ничего не требуется, только посидеть в машине! *(Кричит.)* Мне надо вырваться, ты это можешь понять? Вываться!..

Она. Она же все равно тебя потом найдет...

Он. Она меня не будет искать!

Она. Федя, я так не могу... я ничего не понимаю... Ты что, ее не любишь?

Он. Она меня не любит. И я ее уже не люблю... но любил... очень любил! Как пацан втрескался восемь лет назад. Пошел на родительское собрание, сын учился у нее в классе... обычно жена ходила на эти собрания, а тут что-то не могла, меня послала. И все. Через две недели подал на развод и переехал к ней. И оказался в дерьме с первого дня!.. У нее до меня был человек, я ничего не знал, а у них продолжалось — после того как мы поженились. Без перерыва!.. А когда я узнал, она уже была беременна... я только не знал — от меня или от того. Оказалось, от меня, когда появился на свет... Жили в одной комнате, соседи кошмарные, я зарабатывал мало, алименты, ребенок, она нервничала... и я пошел работать шофером, благо права были. Я же институт кончал, экономический, работал в одной конторе. Пришлось бросить... Пока сынишка был маленький, все вроде бы нормально. С тем она порвала. Ну, как нормально... все равно я старое уже не мог забыть. Хотя она до сих пор доказывает — ничего не было. *(Злобно.)* А я

знаю, что было! Я у нее обнаружил письмо в сумочке, от подруги... и все понял. В общем, влип я крепенько!.. Дальше — больше!

Она впитывает каждое его слово, следит за малейшим изменением выражения его лица.

(Продолжает.) В прошлом году она поехала в Ленинград, с классом. Хотели с сыном проводить, она — не надо, не надо! Стеной стала. Я тогда тем более поехал... скрытно. Сразу засек — с мужчиной отправилась. Потом говорила — это отец одной девочки из класса... мол, помогал ей. А почему тогда мне нельзя было проводить, спрашивается?! Между прочим, в тот день мы с тобой встретились... я прямо на вокзале в ресторане выпил и поехал в парк. Успокоился немножко возле тебя. А сбежал я тогда, чтоб звонок ее не прозевать... на старой квартире у нас был телефон, договорились, что она позвонит после двенадцати из гостиницы. Устроил ей скандал по телефону. Не знаю, может, в это время она сидела в объятиях... или лежала с ним... голос у нее был какой-то не свой! Я ничего не знаю... знаю только — если один раз было, может сто раз быть!.. На свадьбу к сыну не поехал, боялся ее одну оставить! Из мужа в телохранителя превратился!.. Я не могу больше так жить. И уйти воли не хватает. Она действует на меня; что-то в ней есть такое... из нее какое-то излучение выходит, какой-то луч... точно, точно! И убивает во мне все — волю, ум, гордость! Я же раньше... и с первой женой, и вообще с женщинами чувствовал себя всегда королем! А теперь я слуга... неизвестно скольких господ! Она раздавила меня! Я даже всего рассказать не могу... стыдно!.. Как-то заболел, так она: «Ложись, Федя, в больницу, я не могу за тобой ухаживать, ты слишком капризный, когда болеешь». Представляешь? *(Яростно.)* Все восемь лет душа дрожит от боли!

Она. Она красивая?

Он. Не знаю. Обыкновенная. Так, стройненькая. Я уж и не вижу ее. Я только чувствую, что это мой враг, что она погубила меня! Она меня приучила к таким вещам, если рассказать — не поверят! Постоянное, непрерывное унижение!.. Родственников у меня здесь нет, друзья отошли... никому не звоню, не встречаюсь... Не могу видеть людей. Теперь, правда, я ей тоже запретил приводить своих подружек-разводух... одна ушла от мужа, от другой муж ушел... все время тянут ее куда-то. *(Кричит.)* Я запретил! Пускай никого не будет, ни души, раз такой дом, раз такая жизнь в этом доме!..

Она. Ты ее любишь, Федя...

Он. Я ее любил. Она этим пользуется... моей любовью. Я действительно ее любил, я был счастлив... думал — ну, все, никогда больше не будет обманывать, юлить, бегать куда-то, искать, изменять. Я вообще забыл, что существуют женщины на свете кроме нее... Не хочу больше. Сегодня подвожу черту. Все равно этому наступил бы конец — рано или поздно. *(Кричит.)* Так пусть это произойдет сегодня! Я хочу сегодня освободиться от нее!

Она. Успокойся, Федя!..

Он. Не надо меня успокаивать! Я восемь лет успокаивал себя, обманывал себя! Я ничего уже не чувствую... Только боль, боль, боль!

Она. А может, тебе только кажется, что она гуляет? А она просто от твоей ревности прячется? Может, у нее никого и нет?

Он. У нее полная записная книжка телефонов... непонятных и неизвестных мне людей! *(Вдруг сникает.)* Не знаю, может, и кажется что-то, может, я одичал, все возможно... при такой жизни. Возможно, и я виноват... Хотя я не знаю, в чем я виноват. В том, что женился на ней? Она действительно не очень хотела, я настаивал, как таран тогда пошел на нее... Не знаю, ничего не знаю... Душа у нее неплохая... если только жить с ней на необитаемом острове. Чтоб только были она и я. Тогда, наверное, все было бы нормально. Так-то она вполне... не жадная, бескорыстная, подруги у нее все время тянут... и деньги, и вещи... неглупая... ласковая... Может, надо как-то иначе с ней... уехать на время. Сейчас можно было уехать на уборочную в Казахстан, я отказался. Сто раз давал себе слово: не скандалить, вести себя спокойно, не реагировать... просто молчать больше. Не могу! Сейчас пойду, если она дома — начну орать, бить посуду, требовать отчета... ей все это надоело, уже не действует на нее. Она даже ночевать может остаться где-то, лишь бы не слышать, как я ору... Я не знаю, что делать. Когда выпью, легче становится... а, думаю, пошло оно все к черту, и она, и все! Но я же не могу все время ходить пьяным... За рулем! Да и не могу я пить много. Сердце барахлит. *(Вдруг истерически.)* Вера, не обижайся... не обижайся на меня! Не обижайся! Я ничего не могу сделать!

Она *(с испугом)*. За что не обижаться?

Он *(сникнув)*. Не обижайся, пожалуйста... я, наверно, один сейчас поеду домой. Я должен с ней поговорить. А завтра приду к тебе. Хорошо?

Она. Как хочешь.

Он. Пойдем. *(Поднимается с земли.)* Я должен раньше ее попасть домой. Я хочу увидеть, какой она приедет! Я хочу увидеть ее! Просто так я не уйду... я не могу просто так уйти. Она только этого и ждет, чтоб я ушел. *(Кричит.)* Я сегодня ночью или убью ее, или заставлю жить так, как положено жене жить с мужем!

Она *(поднимается, угрюмо)*. Ну, пошли.

Они идут рядом по аллее, она смотрит на него печальными, сухими глазами, он шагает разгоряченный, с сжатыми кулаками, устремленный вперед, глаза блестят. О том, что рядом с ним Вера, забыл.

Он *(вдруг вспомнил о ней)*. Я могу тебя довезти на такси, если хочешь.

Она. Не надо.

Он. Зайти к тебе я уже не смогу, Вера. Мне очень важно прийти раньше, чем она, понимаешь? Если я приду после нее, это плохо. Надо обязательно, чтоб я успел раньше. А если не придет ночевать... тогда все! Тогда завтра я к тебе переезжаю. Пойдем быстрее.

Он увеличивает шаг, отрывается от нее. Вера, напротив, замедляет шаг. Останавливается. Садится на первую попавшуюся скамейку.

(Вдруг обнаружив ее отсутствие, останавливается, оборачивается. Возмущенно.) Вера! Ты что села? Ну, вставай, догоняй, Вера!

Она продолжает сидеть.

(Делает несколько шагов назад.) Вера, вставай! Я жду тебя! Ты же знаешь, как я тороплюсь!

Она поднимается, идет к нему.

Ну, быстро, быстро! *(Подождав, пока она с ним поравняется.)* Вера, я тебя только очень прошу — что бы ни случилось, как бы тебе ни было нужно, как бы тебе ни хотелось... никогда ни при каких обстоятельствах не вздумай искать меня... ни на работе, ни дома. Ты слышишь?

Она. Слышу.

Он. Я тебя сам найду, если надо будет.

Они выходят из парка на освещенную полукруглую площадь — здесь проходят трамвайные пути, неподалеку стоянка такси. Стоят свободные машины.

(Торопливо.) Ну так что, Вера, подвезти тебя или не надо?

Она. Не надо.

Он. Тогда я пойду. *(Чмокнул в щечку.)*

Она. Подожди. *(Роемся в сумке.)*

Он. Что такое? Я тороплюсь, Вера!

Она. Возьми. *(Протягивает ему ключ.)* Это от моей квартиры. Улица Пирогова, дом четыре, квартира четыре, первый этаж. Витьку я предупрежу, что у тебя ключ, когда приедет.

Он *(в недоумении).* Зачем? Мне не нужно, Вера.

Она. Тебе нужно.

Он. Ты что, думаешь, я уже развожусь?

Она. Да не думаю я ничего. Просто я хочу, чтоб ты знал, что есть дом, куда ты всегда можешь прийти. Может, и не придешь, а на душе спокойней тебе будет. Уверенность почувствуешь, когда ключ будет в кармане. Ты же толковый мужик, просто уверенность в себе потерял. А человека без

уверенности никто не любит, Федя. И меня Петр бросил, потому что уверенность потеряла. *(Кладет ему ключ в карман.)* Когда-нибудь и ты мне в жизни поможешь. Мало ли...

Он *(стоит растерянный, смущенный. Вынимает ключ из кармана).* Вера, я не могу взять... я не хочу тебя связывать... не имею права. Ты с кем-то познакомишься, у тебя что-то начнет налаживаться... и вдруг я явлюсь...

Она. Не волнуйся, дурачок. Если у меня начнет что-то налаживаться, я замок заменю. Понятно? *(Берет из его рук ключ, снова кладет ему в карман.)* Поезжай.

Он стоит растроганный, голову опустил.

Поезжай. И не делай глупостей...

Он отступает на шаг, странно, как клоун, кланяется, поворачивается, идет к стоянке такси. Вера смотрит, как он садится в машину, грустно улыбается. Машина резко разворачивается, уезжает. Тут же, дребезжа, подходит трамвай. Вера поднимается в вагон. Трамвай отправляется. Через широкое окно мы видим, как Вера бросает в кассу монету, отрывает билет, ищет место, садится. Трамвай заворачивает.

В городском парке уже не играла музыка, не крутились карусели, не торговали киоски, не щелкали стрелковые тир, не взлетали мячи. Народ отгулял.

*Только на некоторых скамейках сидели еще парочки. «Пойдем, уже поздно!» — сказала одна **девушка** своему **парню**. А другая **девушка** в это же время сказала другому **парню**: «Ну куда ты спешишь, еще рано!»*

И обе были одинаково правы. Потому что на земле начинался тот беспощадный, неумолимый час ночи, когда, как сказал поэт, кто-то спит, а кто-то плачет.

Занавес